

О ПОДПИСКѢ
НА
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1880 году.

Журналъ «ДЪЛО» издается въ 1880 году при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя *тринадцать* лѣтъ.

Годовое изданіе журнала „Дѣло“ состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30 до 32 листовъ каждая, большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки 14 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургѣ 15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ . . . 16 р. „

ЗА ГРАНИЦУ, ВО ВСѢ ГОСУДАРСТВА, НЕ ИСКЛЮЧАЯ
СЕРБІИ, РУМЫНІИ И БОЛГАРІИ 19 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную
Контору журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39.

ПУШКИНСКІЙ ЮБИЛЕЙ И РѢЧЬ Г. ДОСТОЕВСКАГО.

Хороша наша деревня,
Только улица грязна...

I.

Крупнѣйшимъ явленіемъ нашей бѣдной общественной жизни было за послѣднее время открытіе памятника знаменитому русскому поэту. У насъ, какъ извѣстно, немало поставлено памятниковъ военнымъ людямъ, но памятникъ писателю... это, во всякомъ случаѣ, фактъ, выходящій изъ ряда вонъ, особенно если принять въ соображеніе, что памятникъ поставленъ не при помощи государственнаго казначейства, какъ, напримѣръ, памятникъ Крылову, а на частныя средства, собранныя по подпискѣ, открытой, съ высочайшаго соизволенія, по инициативѣ нѣсколькихъ лицейскихъ товарищей поэта. Въ послѣдней книжкѣ нашего журнала уже былъ высказанъ взглядъ какъ на значеніе этого событія, такъ и на значеніе Пушкина въ дѣлѣ нашего самосознанія, и я, разумѣется, не стану повторять сказаннаго. Цѣль моихъ замѣтокъ болѣе скромная: побесѣдовать съ читателями по поводу отношенія нашей печати и общества къ московскому торжеству и высказать нѣсколько замѣчаній о рѣчи г. Достоевскаго, которая произвела на слушателей потрясающее впечатлѣніе и названа И. С. Аксаковымъ «событіемъ».

Хотя передъ пушкинскимъ юбилеемъ и шли, какъ водится, пререканія насчетъ характера празднованія и дума не безъ колебаній рѣшилась дать необходимыя деньги для торжества, хотя любители общества русской словесности не особенно толково вели дѣло организаціи праздника, но тѣмъ не менѣе все обошлось болѣе или менѣе благополучно и праздникъ какъ-то самъ собой вышелъ достойнымъ памяти великаго поэта. На празд-

никъ явились въ достаточномъ количествѣ представители литературы, въ числѣ коихъ были и писатели-корифеи, за исключеніемъ, впрочемъ, такихъ первоклассныхъ писателей, какъ гр. Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыковъ и И. А. Гончаровъ. За графомъ Толстымъ ѣздилъ къ нему въ деревню съ приглашеніемъ Тургеневъ, но, какъ извѣстно, Толстой не поѣхалъ. Если вѣрить г. Незнакомцу, то графъ Толстой выслушалъ Тургенева и сказалъ будто-бы, что все это комедія. Съ точки зрѣнія Толстого, какъ публициста и мыслителя, этотъ отказъ вполне послѣдователенъ. Гр. Толстой высказывалъ не разъ, что наша литература служитъ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ для обезпеченныхъ людей, а народу рѣшительно все равно, существовалъ-ли Пушкинъ или нѣтъ.

Литераторы на торжествѣ составляли, разумѣется, преобладающій элементъ; кромѣ нихъ явились депутаціи отъ разныхъ обществъ и учреждений, прислано было множество адресовъ и въ числѣ ихъ адресъ отъ крестьянина тверской губерніи, какъ-бы для того, чтобы доказать, что есть одинъ крестьянинъ, который знаетъ о существованіи Пушкина.

Я не стану повторять извѣстныхъ уже читающей публикѣ подробностей о трехъ-дневномъ московскомъ торжествѣ; замѣчу только, что представителей литературы и науки чествовали и принимали восторженно. Впрочемъ, чествовали и членовъ комитета по открытію памятника, и г. министра народнаго просвѣщенія, и преосвященнаго Амвросія, — словомъ, всѣхъ, говорившихъ на юбилей. Самыя восторженные оваціи, какъ извѣстно, выпали на долю Тургенева и Достоевскаго, особенно на долю послѣдняго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если-бы на праздникъ были гр. Толстой, Салтыковъ и Гончаровъ, то на долю ихъ достались-бы не меньшія оваціи. По словамъ Незнакомца, «праздникъ этотъ необыкновенно повысилъ нервы не только участниковъ, не только интеллигентныхъ зрителей, но и простыхъ смертныхъ». Увлеченіе, по словамъ другихъ, было всеобщее. Телеграммы въ дни торжества, между прочимъ, рисовали такую картину:

«Вскорѣ послѣ полудня процесія вышла изъ церкви. Площадь представляла восхитительное зрѣлище: десятки тысячъ народа; монументъ, окутанный бѣлою пеленою и окруженный голубыми, красными и бѣлыми знаменами, шитыми золотомъ и серебромъ; значки цеховъ; и рядомъ съ монументомъ обширное возвышеніе, покрытое краснымъ сукномъ, для членовъ комитета и почетныхъ гостей; всѣ головы обнажены. Это-ли не все-народное празднество?»

Насколько эти «десятки тысячъ народа» сознательно участвовали въ празднествѣ—вопросъ другой, но, разумѣется, вся эта обстановка настраивала газетныхъ корреспондентовъ на высокій тонъ, вѣроятно, «повышала ихъ нервы», и «скачущій штандартъ», въ видѣ «благодарнаго народа», «ликующаго народа» являлся обычнымъ придаткомъ не только подъ неразборчивымъ перомъ телеграфнаго корреспондента, но даже и въ солидныхъ академическихъ рѣчахъ.

Однимъ словомъ, торжество чествованія памяти великаго русскаго поэта вызвало оживленное вниманіе къ печати и ея представителямъ, быть можетъ, и даже навѣрное, «повысило нервы»,—все это безспорно; но можно-ли на основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ умиляться, находить, что наступила новая «эра», и въ самомъ дѣлѣ воображать, что «на нашей улицѣ праздникъ»?

Оказывается, что можно. Разумѣется, такое отношеніе—дѣло темперамента и результатъ нашей неизбалованности. Мы очень склонны увлекаться и такъ-же склонны скоро забывать то, чѣмъ увлекались. Наше «сербское» возбужденіе, не считая «славянскихъ», «американскихъ» и разныхъ иныхъ (вспомните, напр., увлеченіе добровольнымъ флотомъ), казалось, должно-бы насъ заставить относиться осторожнѣе ко всякимъ порывамъ и говорить о новыхъ «эрахъ» осмотрительно, тѣмъ болѣе, что за ожиданіемъ новой «эры» обыкновенно являлись разочарованія самаго охлаждающаго свойства. Но, несмотря на эти уроки, мы все-таки не можемъ разстаться съ привычкой приходить въ восторгъ, даже если намъ позволятъ произнести нѣсколько рѣчей и закусить и выпить, а ужъ не то, что поставить памятникъ писателю черезъ сорокъ четыре года послѣ его смерти! Повторяю, постановка памятника поэту—явленіе у насъ отрадное, и я говорю не объ этомъ; я говорю о томъ, что возбужденіе, вызванное торжествомъ,—возбужденіе безспорно искреннее,—еще не доказываетъ, какъ утверждаетъ «Голосъ», наступленія «новой эры нашего внутренняго развитія» и едва-ли даетъ поводъ къ оптимистическимъ изліяніямъ... Если разобрать дѣло хорошенько, то окажется, что инициатива «праздника литературы», вызвавшая такое общее сочувствіе къ печати и къ ея представителямъ, принадлежитъ не обществу (которое теперь возликовало), ни даже литературѣ, а лицейскимъ товарищамъ поэта... Отчетъ академика Грота даетъ отличное доказательство того, что отношеніе нашего общества къ своимъ великимъ писателямъ вовсе не таково, чтобъ возбуждать особенныя ликованія. Не таково отношеніе, напримѣръ, французовъ къ своимъ великимъ писателямъ.

Изъ прочитаннаго академикомъ Гротомъ отчета мы узнаемъ, что «мысль о памятникѣ великому поэту въ первый разъ была пущена въ ходъ изъ среды бывшихъ воспитанниковъ царско-сельскаго лица, по поводу приготовленій, въ 1860 году, къ празднованію 50-ти-лѣтняго юбилея его, причемъ мѣсто будущему монументу предназначено было въ Царскомъ Селѣ, въ саду, нѣкогда принадлежавшемъ лицу. Сборъ пожертвованій по подпискѣ, съ высочайшаго разрѣшенія, тогда-же открытый по представленію директора лица Н. И. Миллера, въ немногіе годы доставилъ 13,359 руб. Въ то же время художниками Лаверецкимъ и Бахманомъ составленъ былъ проектъ памятника, осуществленный Лаверецкимъ въ модели довольно обширныхъ размѣровъ, помѣщенной въ залѣ александровскаго лица. *Мало-по-малу, однако, притокъ пожертвованій сталъ оскудѣвать и скоро совершенно прекратился.* Въ такомъ положеніи было дѣло, когда на обычномъ лицейскомъ обѣдѣ, 19-го октября 1870 года, одинъ изъ участниковъ его воспользовался случаемъ возобновить вопросъ о памятникѣ нашему поэту. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе и тутъ-же, по мысли Я. К. Грота, задумано было учредить, для дальнѣйшаго веденія дѣла, комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ лица. По ходатайству августѣйшаго попечителя его, принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, предложеніе наше удостоилось одобренія Государя Императора и, такимъ образомъ, въ февралѣ 1871 года составленъ подъ главнымъ вѣденіемъ его высочества комитетъ для сооруженія памятника Пушкину изъ семи лицъ, бывшихъ воспитанниковъ лица: статсъ-секретаря барона М. А. Корфа, адмирала Ф. Ф. Матюшкина, академика Грота, статсъ-секретарей К. К. Грота, Н. А. Шторха, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. И. Колемина и статсъ-секретаря Корнилова».

Затѣмъ почтенный академикъ объяснилъ, почему именно комитетъ пришелъ къ убѣжденію поставить памятникъ въ Москвѣ (мысль объ этомъ первый подалъ адмиралъ Матюшкинъ). Первоначально было рѣшено поставить памятникъ въ царско-сельскомъ лицейскомъ саду, но комитетъ, находя это мѣсто слишкомъ уединеннымъ, считалъ необходимымъ пріискать другой, болѣе отвѣчающій цѣли пунктъ.

По словамъ отчета, прочитаннаго академикомъ Гротомъ, «въ Петербургѣ, уже богатомъ памятниками царственныхъ особъ и знаменитыхъ полководцевъ, *мало было надежды найти достойное поэта и достаточно открытое и почетное мѣсто.* Между тѣмъ нельзя было не согласиться съ Матюшкинымъ, что Мос-

ква, гдѣ безпрестанно толпятся, смѣняясь, уроженцы всѣхъ странъ Россіи, особенно была-бы способна придать памятнику Пушкина значеніе вполне народнаго достоянія. Съ другой стороны, связи Пушкина съ Москвою были нисколько не слабѣе, если еще не сильнѣе тѣхъ, которыя роднили его съ Петербургомъ».

Такимъ образомъ оказывается, что Москвѣ нечего особенно радоваться, и если теперь памятникъ поэта высится въ бѣлокаменной, то потому только, что памятники знаменитыхъ полководцевъ помѣшали найти въ Петербургѣ почетное мѣсто, достойное поэта. Недаромъ Петербургъ—военный городъ!

Въ числѣ доказательствъ близости Пушкина къ Москвѣ академикъ Гротъ привелъ, между прочимъ, и то, что «въ Москвѣ; съ новымъ царствованіемъ, началось общественное возрожденіе поэта, когда императоръ Николай, послѣ коронаціи, вызвалъ его изъ деревни, милостиво положилъ конецъ его изгнанію и милостиво объявилъ себя цензоромъ».

«По всеподданнѣйшему докладу принца Ольденбургскаго, Государь Императоръ, 20 марта 1871 года, повелѣлъ поставить памятникъ въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія поэта, «гдѣ монументъ получить вполне національное значеніе».

«Когда комитетъ началъ свою дѣятельность, имѣвшаяся въ распоряженіи его сумма, вмѣстѣ съ накопившимися процентами, составляла 18,000 руб. съ небольшимъ. Для возобновленія сбора пожертвованій напечатано было въ газетахъ приглашеніе и вслѣдъ затѣмъ приступлено къ раздачѣ подписныхъ книжекъ. Но прежде всего мы должны съ благоговѣйною признательностью упомянуть о милостивомъ участіи, какое въ этой подпискѣ соизволили принять августѣйшіе члены императорскаго семейства. Частныя приношенія начали поступать со всѣхъ сторонъ. Кромѣ множества отдѣльных лицъ, успѣшному сбору значительно содѣйствовали редакціи главныхъ повременныхъ изданій и нѣкоторые книгопродавцы. Комитетъ положилъ въ основаніе своихъ дѣйствій два коренныя начала: полную гласность и строгую отчетность. Вскорѣ онъ сталъ печатать въ газетахъ свѣденія о постепенномъ приращеніи средствъ. Мало-по-малу собранная сумма возросла до 83,922 р., а въ послѣдствіи итогъ всей суммы, съ накопившимися процентами, составилъ 106,575 руб. Расходы по сооруженію памятника составили 87,510 руб.; затѣмъ въ распоряженіи комитета остается 19,064 р. Имѣющей въ остаткѣ суммѣ должно быть изыскано назначеніе, возможно болѣе согласное съ желаніями жертвователей и близкое къ главной цѣли сбора, что и будетъ предметомъ обсужденія комитета, какъ скоро онъ найдетъ возможность собраться въ

болѣе полномъ составѣ». Въ заключеніе почтенный академикъ заявилъ, что «пушкинскій комитетъ почитаетъ себя счастливымъ и гордится тѣмъ, что ему суждено было, подѣ всемиловѣйшимъ покровительствомъ Государя и при августѣйшемъ содѣйствіи принца Ольденбургскаго, послужить орудіемъ этого истинно-народнаго (?) предпріятія, совершеннаго по частному почину, безъ всякой примѣси бюрократическаго или приказнаго характера, безъ дополнительныхъ пособій отъ казны и притомъ со сбереженіемъ довольно значительной суммы.»

Изъ выдержекъ прочитаннаго на торжественномъ юбилеѣ отчета читатель, надѣюсь, согласится, что не тотъ характеръ, не тѣ приемы бывають въ странахъ, гдѣ общество дѣйствительно принимаетъ близко къ сердцу интересы литературы и желаетъ почитать своего великаго писателя памятникомъ. Ему и мѣсто найдутъ почетное, и деньги соберутъ скоро, а то, помилуйте, пустячную относительно сумму, какъ 100,000 рублей съ небольшимъ, собирали 20 лѣтъ, и это для памятника первому русскому поэту!

Гдѣ-же настоящее-то уваженіе? Въ чемъ оно проявилось?

И хорошъ «на нашей улицѣ праздникъ», когда, чувствуя поэта и вспоминая по этому поводу, въ какихъ невозможныхъ тискахъ была его литературная дѣятельность, несмотря на его привилегированное положеніе и на покровительство самого императора, — мы черезъ 40 лѣтъ послѣ смерти чествуемаго нынѣ писателя, радуясь «просвѣтленію горизонта», спрашиваемъ себя: на долго-ли? Мы все еще говоримъ о «путахъ», стѣсняющихъ слово, и до сихъ поръ должны прибѣгать къ «езоповскому» языку или молчать о многихъ вопросахъ, находясь нерѣдко въ униженномъ положеніи школьниковъ, и «Вѣстникъ Европы» не безъ основанія говоритъ въ 1880 году, что «чувствительною переменною къ лучшему было-бы теперь даже простое возвращеніе къ закону 6 апрѣля 1865 года».

И какъ-бы въ видѣ подарка къ «празднику на нашей улицѣ», почтенный журналъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующій скорбный листокъ печати, изъ котораго видно, что по 1 января 1880 года «дано всего 167 предостереженій, приостановлено 52 изданія, въ общей сложности, на 13 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; случаетъ запрещенія розничной продажи съ 1872 года по 1879 г., исключительно, было 60; въ одномъ 1870 году — 14 и приостановлено семь изданій (одно изъ нихъ два раза), розничная продажа была запрещена шести газетамъ. И все это шло crescendo. Такъ, на примѣръ, въ 1872 году было дано только два предостереженія и два раза запрещена розничная продажа. «Прибавимъ

къ этому, говоритъ «Вѣстникъ Европы»,—что въ первые три мѣсяца текущаго года—до перемѣны въ личномъ составѣ главнаго управленія по дѣламъ печати — предостереженій было четыре, одинъ журналъ пріостановленъ на три мѣсяца, розничная продажа воспрещена одинъ разъ, и печатаніе объявленій два раза, и оба раза «Голосу», который съ 1-го января пользовался правомъ печатать объявленія не болѣе полутора мѣсяца».

«Этимъ взысканіямъ не предшествуетъ требованіе объясненій, они не допускаютъ ни защиты прежде приговора, ни жалобы на приговоръ; они не ограничиваются опредѣленною сферою правонарушеній, и въ тѣхъ случаяхъ, когда печать обсуждаетъ дѣйствія администраціи, послѣдняя является судьей оскорбленій, ей нанесенныхъ. Административная власть надъ печатью неизбѣжно переступаетъ проведенныя ей линіи, стремится къ возможно болѣе безконтрольности. Таково свойство всякой неопредѣленной власти».

«Даже въ обыкновенное, не смутное время, продолжаетъ почтенный журналъ, — встрѣчались случаи запрещенія журналовъ внѣ-установленнаго закономъ порядка. Въ направленіи-же, благопріятномъ для печати, не сдѣлано было, наоборотъ, ни одного шага: пробѣлы закона остались невосполненными, сфера примѣненія его крайне-ограниченною; провинціальная печать, по-прежнему, безправна, спеціальныя цензуры — духовная, театральная и иностранная—по-прежнему полновластны; дѣйствіе предостереженій, по-прежнему, не погашается никакою давностью; роль суда по дѣламъ печати доведена до минимума».

Но еще тяжелѣе, по мнѣнію названнаго журнала, негласное давленіе, оказываемое на печать.

«Когда журналистика обязывается молчать о предметѣ, обсужденіе котораго угрожаетъ развѣ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, а отнюдь не государству, тогда положеніе ея значительно ухудшается по невозможности для публики разгадать причину внезапнаго молчанія... Масса читателей не въ состояніи объяснить себѣ, какимъ образомъ значительная часть печати можетъ молчать о вопросѣ, чуть не ежедневно поднимаемомъ и обсуждаемомъ «Московскими» или «Петербургскими Вѣдомостями». Теперь, вслѣдствіе компромисовъ, книга или номеръ журнала не погибаютъ цѣликомъ, а только теряютъ большую или меньшую часть своего состава, но здѣсь, «подъ покровомъ негласности, возстановляется *de facto* гласно уничтоженная предварительная цензура. Уничтоженіе цѣлой книжки можетъ вызвать толки, которыхъ администрація избѣгаетъ; уничтоженіе

той или другой статьи сохраняет закулисный характеръ, сдѣлавшійся обычнымъ явленіемъ въ литературномъ мірѣ.»

Въ-концѣ-концовъ «Вѣстникъ Европы» находитъ, что существующій порядокъ по дѣламъ печати несравненно болѣе благопріятствуетъ такимъ изданіямъ, какъ «Kreuzzeitung» или «Figaro», чѣмъ такимъ, какъ «Daily News» или «Times». Дальше идеала этихъ газетъ онъ ужъ, очевидно, и не рѣшается идти.

Какъ видите, пока и на нашей, и на вашей улицѣ, по-прежнему, непроглядныя будни.

Что-же касается «народнаго предпріятія», о которомъ упоминалъ академикъ Гротъ, а равно до «благодарнаго народа», фигурирующаго, какъ извѣстно, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ въ видѣ хора, то онъ представлялся на пушкинскомъ праздникѣ адресомъ одного крестьянина тверской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что и «благодарный народъ» принялъ-бы «живое участіе» въ подпискѣ на памятникъ, если-бы обратились къ нему черезъ исправниковъ и становыхъ, какъ обращались при собираніи денегъ на добровольцевъ и на добровольный флотъ, и тогда, быть можетъ, онъ получилъ бы нѣкоторое понятіе о Пушкинѣ, но теперь, разумѣется, онъ не знаетъ, кто такой Пушкинъ, и съ рѣшительнымъ недоумѣніемъ толпился у памятника. Г. Буренинъ, правда, не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и приводитъ въ доказательство противнаго бесѣду, которую онъ велъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ, съ однимъ парнемъ, удивившимъ почтеннаго рецензента замѣчательнымъ мнѣніемъ о поэтѣ.

Вотъ эта доказательная бесѣда:

«— Ты знаешь, кому памятникъ поставленъ? спросилъ я парня.

«— Пушкину, барину.

«— А кто онъ былъ?..

«— Кто былъ-то?... Какъ его?.. Сочинитель былъ.

«— А за что ему памятникъ поставленъ?

«— Народъ, говорятъ, вишь обучалъ. *Мозголоу* больно былъ. Да рано померъ. Толкуютъ, будто тридцати пяти годовъ. Другой баринъ его убилъ. Не знаю, правда-ли?

«Я сказалъ, что правда, и объяснилъ вкратцѣ обстоятельства дуэли и смерти Пушкина. Парень выслушалъ съ видимымъ любопытствомъ.

«— Вишь ты, Господи, грѣхъ какой... Поди, кабы не померъ рано, такъ много-бы еще народу образовалъ».

Едва-ли приведенная почтеннымъ рецензентомъ бесѣда что-нибудь объясняетъ и кого-нибудь опровергаетъ.

Издатель «Новаго Времени» передаетъ иныя наблюденія. По его словамъ, «втеченіи нѣсколькихъ дней сотни тысячъ народа стояли около памятника толпой. Народъ, конечно, недоумѣвалъ, за что такая честь штатскому человѣку. Многіе крестились на статую. Спустя двѣ недѣли, кажется, установилось мнѣніе, что человѣкъ этотъ (т. е. Пушкинъ) что-то пописывалъ, но памятникъ ему за то поставили, что онъ крестьянъ «освободилъ». Эти наблюденія, пожалуй, болѣе основательны.

Праздникъ, какъ извѣстно, отличался обиліемъ рѣчей и, разумѣется, обиліемъ яствъ, питій и тостовъ. Выдающейся рѣчью была рѣчь г. Достоевскаго, а выдающимся скандаломъ—впрочемъ, кажется, и единственнымъ—выходка «Голоса» противъ г. Каткова.

Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» произнесъ на обѣдѣ рѣчь, въ которой взывалъ къ примиренію. «Люди, знающіе цѣну благодати мира, говорили, между прочимъ, ораторъ,—откликнутъся съ сочувствіемъ на случайное совпаденіе: мы празднуемъ сегодня тоже праздникъ мира, всѣмъ намъ равно дорогой праздникъ русской литературы. Ради этого дня, можно забыть старое, можно простить многое. Можно расходиться во взглядахъ, но не встрѣчаться врагами. Сегодня есть день, въ который всего умѣстнѣе поднять бокалъ за *забвеніе прошлаго*, за единеніе братьевъ по литературѣ въ духѣ любви и мира. Именемъ великаго поэта поднимаю бокалъ за единодушіе и единеніе. На праздникъ Пушкина нѣтъ соперниковъ—одни союзники».

Рѣчь эта, по правдѣ говоря, производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе въ устахъ г. Каткова. Впрочемъ, извѣстно, что банкетныя рѣчи ни къ чему не обязываютъ,—мало-ли чего не скажешь за банкетомъ! Впрочемъ, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что по окончаніи рѣчи ораторъ обратился съ бокаломъ къ г. Тургеневу, но г. Тургеневъ, по словамъ очевидцевъ, не принялъ, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны вызова къ примиренію и оставилъ г. Каткова въ положеніи нѣсколько неловкомъ. По словамъ «Молвы», «И. С. Тургеневъ не призналъ возможности чокнуться съ нимъ бокаломъ, о чемъ онъ и самъ заявлялъ многимъ». Это, конечно, личное дѣло почтеннаго романиста и придавать поступку этому общественное значеніе едва-ли основательно, тѣмъ болѣе, что ни для кого-же не тайна, что г. Тургеневъ находилъ возможнымъ печатать свои произведенія въ органѣ Каткова въ то самое время, когда Катковъ былъ

общественнымъ дѣятелемъ того-же характера, какимъ остается и по днесь. Придавать, слѣдовательно, повторяю, общественное значеніе личной размолвкѣ знаменитаго романиста съ московскимъ публицистомъ было нелѣпо, тѣмъ болѣе, что рѣчь г. Каткова, какъ заявляютъ отчеты корреспондентовъ, хотя и не вызвала особенныхъ восторговъ, но за то и не вызвала неодобренія со стороны большинства трапезующихъ.

Между тѣмъ «Голосъ» рассказанному эпизоду придалъ характеръ чуть-ли не общественнаго событія и устами своего корреспондента произнесъ слѣдующую сентенцію:

«Тяжело впечатлѣніе производитъ человѣкъ, переживающій свою казнь и думающій затрапезною рѣчью искупить предательства двадцати лѣтъ»!

Эти слова были-бы, пожалуй, совершенно справедливы, если-бы въ самомъ дѣлѣ случилось нѣчто похожее на «казнь», но въ дѣйствительности никакой «казни» московскій публицистъ не переживалъ; напротивъ, къ нему подходили многіе, поздравляли его и жали ему руки...

Да и помню этого, не устами «Голоса» читать такіа строгія сентенціи, не «Голосу» брать на себя роль суроваго судьи чужихъ «предательствъ» противъ литературы. Мы, слава-Богу, помнимъ отношеніе его къ явленіямъ послѣдняго времени да и прошлаго не забыли! Если дѣятельность г. Каткова, какъ публициста, не можетъ вызвать одобренія, то, по крайней мѣрѣ, онъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ не скрывая своихъ картъ. Обвиняя повально въ «измѣнѣ» всѣхъ и вся, призывая на помощь государственный мечъ, рекомендуя терроръ, онъ не вилялъ, не прятался въ кусты, какъ заяцъ. По крайней мѣрѣ, его нельзя обвинить въ недостаткѣ мужества передъ судомъ потомства. Читая Каткова, вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло, вы знаете, чего можно отъ него ожидать...

А вы, хулители его, развѣ въ послѣдніе годы вы не печатали такихъ статей, отъ которыхъ даже ваши сотрудники краснѣли и отъ которыхъ не отказался-бы Катковъ? Не вы ли послѣ извѣстныхъ событій напечатали статью, въ которой совѣтовали обнажить государственный мечъ и дѣйствовать имъ безпощадно? Вы-ли отличаетесь искренностью убѣжденія?

Всѣ отличились въ послѣднее время. Всѣ «высказались», слава-Богу, такъ, что будущему историку придется воздать всѣмъ братьямъ по платьямъ и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

II.

Рѣчь г. Достоевскаго производитъ странное впечатлѣніе. Несомнѣнно, что эта рѣчь талантлива, горяча и искренна; прибавьте къ этому духъ мистицизма, проникающаго ее съ начала до конца, и вы до нѣкоторой степени поймете то сильное впечатлѣніе, которое она произвела на слушателей. Очевидно, она дѣйствовала болѣе на нервы, чѣмъ на умъ слушателей. Вообще г. Достоевскій мастеръ дѣйствовать на нервы. Высказанное имъ въ своей рѣчи по поводу Пушкина *profession de foi* не новость. Онъ не разъ его высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ устами тѣхъ или другихъ героевъ. Это—какое-то туманно-неопредѣленное исканіе «правды», проповѣдь смиренія и любви съ оттѣнкомъ мистицизма и съ нѣкоторымъ запахомъ постнаго масла. То-же самое и въ его рѣчи, когда она касается завѣтныхъ убѣжденій и идеаловъ художника. Глубокая вѣра слышна въ его словахъ. Несомнѣнная любовь къ народу чувствуется въ его рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда вы прочтете рѣчь, у васъ остается нѣкоторое недоумѣніе и вы остаетесь въ какомъ-то туманѣ. Вы не знаете, что именно хочетъ сказать художникъ, вы не можете, такъ-сказать, перевести его идеаловъ на понятный языкъ. Вы глубоко чувствуете что-то несомнѣнно-правдивое, вы слышите по временамъ оригинальныя мысли, вы видите, что передъ вами много передумавшій талантливый писатель, но въ общемъ, повторяю, является нѣчто безплотное, какое-то «откровеніе» въ духѣ Анфантена. И языкъ рѣчи г. Достоевскаго носитъ характеръ именно проповѣдническій. Въ тонѣ звучитъ пророческая нота. Онъ не говоритъ, а проповѣдуетъ, и такъ-какъ проповѣдь его глубоко искренна, то понятно, что этотъ оригинальный характеръ ея еще болѣе дѣйствуетъ на нервы слушателей.

Я не стану касаться тѣхъ мѣстъ его рѣчи, въ которыхъ онъ опредѣляетъ значеніе Пушкина, какъ народнаго поэта. Замѣчу только, что эта часть рѣчи мастерски обработана, хотя съ основными положеніями оратора и нельзя вполне согласиться. Насъ, впрочемъ, занимаетъ не эта часть рѣчи, а тѣ мѣста ея, въ которыхъ авторъ говоритъ о русскихъ страдальцахъ и пророчески рисуетъ великую будущность русскаго человѣка, въ качествѣ «все-человѣка», призваннаго сказать новое слово Европѣ. Говоря, что Пушкинъ въ лицѣ Алеко и Онягина гениально отмѣтилъ «того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того

историческаго русскаго страдальца, столь исторически-необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ», г. Достоевскій переходитъ къ современнымъ скитальцамъ и говорить слѣдующее:

«Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у цыганъ въ ихъ дикомъ, своеобразномъ быту своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ социализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастье, чтобъ успокоиться; дешевле онъ не примирится, — конечно, пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ-же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ-разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой петровской реформы въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ русскихъ, и тогда, при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаются разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи, — и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безъ всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста болѣе соотвѣтствующія нашему времени. Много-много, что полиберальничаютъ «съ оттѣнкомъ европейскаго социализма», которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ, — но вѣдь все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще и не начиналъ беспокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и обѣ нее крѣпко стукнулся лбомъ? Всѣхъ въ свое время то-же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь «избранныхъ», довольно лишь десятой доли забеспokoившихся, чтобы и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покоя. Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще от-

влеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачь о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла-бы явиться и когда она именно потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія, пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: «правда, дескать, гдѣ-то въ его, можетъ быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ наприимѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ въдѣ въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отълученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ, какъ институтка, въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя, по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское общество. Онъ пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно!»

Въ этихъ словахъ въ первый разъ, по крайней мѣрѣ, втѣченіи послѣднихъ лѣтъ вы слышите, что за русскими «скитальцами» послѣдняго времени хоть признано право страданія. И это знаменательно слышать изъ устъ художника, нерѣдко въ своихъ романахъ представлявшаго *скитальцевъ* «извергамъ» и «чудовищамъ», знаменательно особенно послѣ всего того, что говорилось вообще о «скитальцахъ» въ нашей безшабашной печати. Такъ, вѣроятно, поняла это мѣсто и та молодежь, которая сдѣлала овалію г. Достоевскому, и такъ хотѣлось-бы понять и намъ.

Но найдутся многіе, которые во что-бы то ни стало захотятъ непременно придать иное значеніе этимъ словамъ, и они до нѣкоторой степени правы. Дальнѣйшія мѣста рѣчи какъ-будто опровергаютъ мѣсто, нами приведенное, но, повторяю, даже и за обмолвку (если-бы это была, къ несчастію, обмолвка) нельзя не быть благодарными. «Обмолвки» эти такъ нужны въ наше смутное время!

Осуждая затѣмъ этого «гордаго человѣка», этого «скитальца», г. Достоевскій прочитываетъ ему такое нравоученіе:

«Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость, Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудиись

на родной нивѣ», вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму. «Не вѣй тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собою, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не вѣй тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоёмъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя — и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себя, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его. Не у цыганъ и нигдѣ — міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобешъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить».

Какое это «великое дѣло» и какая это «правда», разумѣется, почтенный романистъ не объясняетъ и эта часть рѣчи остается туманной и какъ-бы опровергаетъ другую часть.

Но еще болѣе страннымъ является увѣреніе романиста, что мы втеченіи двухъ вѣковъ служили болѣе Европѣ, чѣмъ себѣ самимъ сознательно, такъ-какъ г. Достоевскій не думаетъ, «чтобы отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило».

Такимъ образомъ всѣ войны, которыя мы вели за возстановленіе чужихъ престоловъ и царствъ, поддерживая деспотизмъ, оказывается, мы вели потому, что, по словамъ романиста, «народы Европы и не знаютъ, какъ они дороги намъ!» Нечего сказать, хорошее проявленіе любви, если въ самомъ дѣлѣ предположить, будто солдаты наши, проливая кровь за сардинскаго короля или австрійскаго императора, въ самомъ дѣлѣ чувствовали, что они служатъ Европѣ, а не творятъ волю начальства...

Въ-концѣ-концовъ совѣтующій «гордому человѣку» смириться и «овладѣть собою», нашъ романистъ высказываетъ пророчество, что русскій человѣкъ будетъ «всечеловѣкомъ» и что впоследствии «будущіе, грядущіе люди» скажутъ «новое слово» Европѣ и укажутъ исходъ европейской тоскѣ въ русской душѣ...

Опять-таки въ этомъ, хотя и гордомъ пророчествѣ, есть, быть можетъ, зерно истины, но все это такъ запутано, что нужно скорѣй угадывать, чѣмъ слышать. Невольно припоминается не такое слово другого знаменитаго писателя, который съ болью говорилъ, что онъ въ Европѣ 'ни близкаго, ни хорошаго выхода не видитъ, и, между прочимъ, писалъ, что «въ естественной непосредственности нашего сельскаго быта, въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи сильнаго мѣщанства

и въ необычайной усвоимости чужого — мы имѣемъ шагъ передъ народами усталыми и сложившимися».

Этотъ языкъ понятенъ. Сочувствуете вы или не сочувствуете, но вы понимаете автора, потому что у него есть опредѣленные идеалы.

Но нашего романиста трудно понять, потому что у него мистицизмъ затемняетъ и тѣ проблески истины, которые порой являются, хотя и въ фантастическомъ видѣ. И вотъ почему рѣчь его, производившая потрясающее впечатлѣніе на слушателей, въ чтеніи производитъ далеко не то впечатлѣніе, несмотря на талантливость.

Вотъ почему она даже пришлась по плечу «Московскимъ Вѣдомостямъ», гдѣ она напечатана, и можетъ вызывать, съ одной стороны, вѣнки со стороны молодежи, а съ другой — одобреніе «Новаго Времени».

О. П.

ПОПРАВКА.

Въ майской книжкѣ „Дѣла“, въ замѣткѣ по поводу письма г-жи Цебриковой, вкралась ошибка: авторъ письма названъ былъ редакторомъ журнала „Воспитаніе и Обученіе“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не принимаетъ участія въ редактированіи этого изданія.